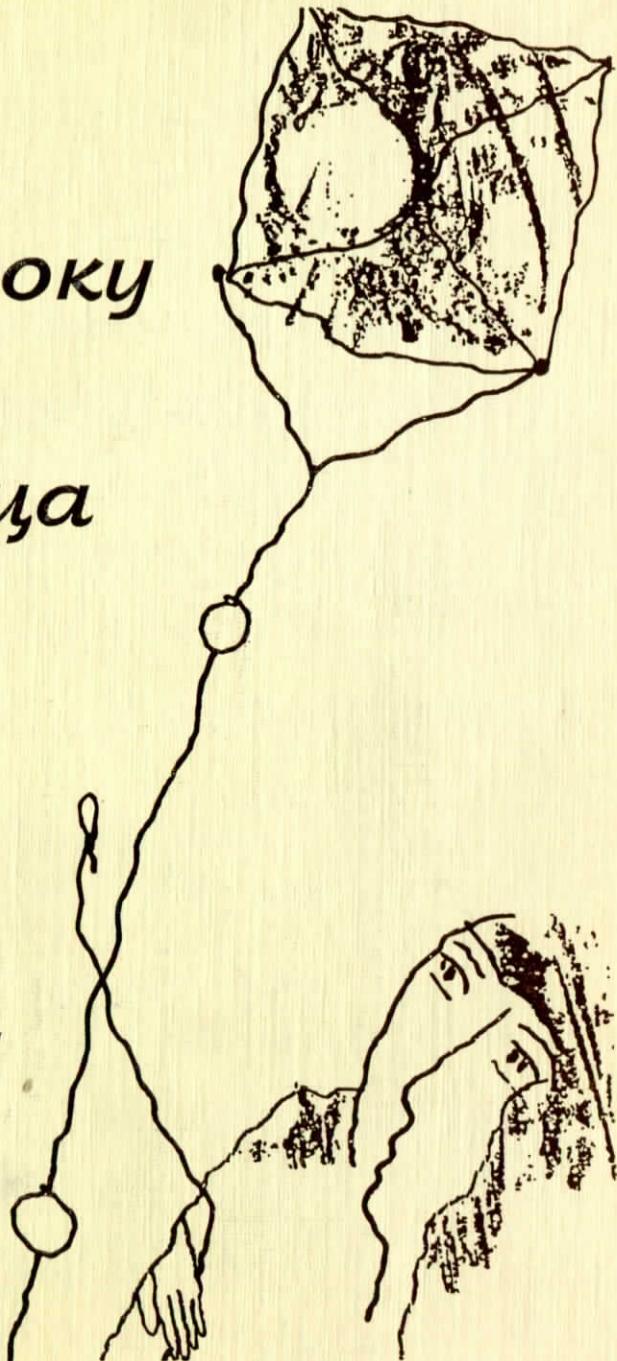

*К
востоку
от
солнца*

2005

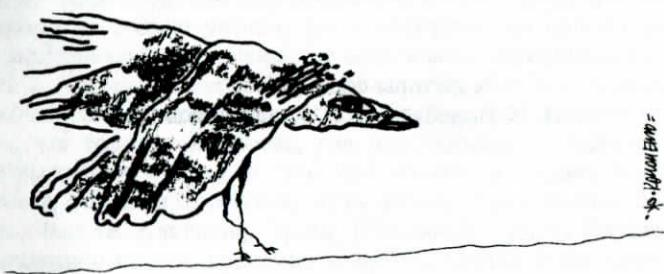

К востоку от солнца

Стихи и переводы

Альманах

Выпуск 7

— АЛЕКСАНДР.

Новосибирск
2005

**ББК Р2
УДК 8-194
К 11**

**К востоку от солнца: Стихи и переводы: Альманах / Новосиб. гос.
ун-т. Новосибирск, 2005. Вып. 7. 158 с.**

ISBN 5-94356-297-4

Эта книга – седьмой выпуск альманаха клуба поэтов НГУ. Представленные произведения большей частью относятся к последнему времени и публикуются впервые. Приведены краткие сведения об авторах. Участников альманаха объединяют преданность искреннему слову и причастность к неповторимому духу Академгородка и Новосибирского университета. Традиционно в оформлении издания используется графика Ю. И. Кононенко.

**Редакторы-составители
И. И. Воробьёв, В. О. Красавчиков**

ISBN 5-94356-297-4

© Новосибирский государственный
университет, 2005

Виктор ФЕТ

Биолог, поэт. Родился в 1955. Окончил НГУ в 1976. До 1987 работал в Средней Азии, после – в Северной Америке. Живу с семьей в предгорьях Аппалачских гор, где преподаю генетику. Публиковался в периодике США, Германии, России, в основном в журнале «Литературный европеец» (Франкфурт) и альманахе «Встречи» (Филадельфия). Книги: «Под стеклом» (Новосибирск, 2000), «Многое неясно» (Новосибирск, 2004). Интернет: www.ggause.com, www.litera.ru/slova/fet.

ТЕАТР

Когда, очерчен кругом света,
актер, по прихоти поэта,
сжигает слов и сердца дань
на дымном жертвеннике храма –
его комедия и драма
сплетают потайную ткань,
и от столетия к столетью
прокинув золотую нить,
стремятся душу уловить
своей невидимою сетью.
И между сценой и залом
течет живая пустота,
как воздух горного хребта
над долгожданным перевалом.

РЕКА ПАМЯТИ

1

И ДНК, и наша речь –
они всего лишь частный случай
той силы ясной и могучей,
которая за годом год
с небесных ледников течёт.

Мне видится издалека
не древний берег мифов, нет;
мой образ – Памяти река,
а не забвения. Не где-то
в подземном мире, а сейчас,
всегда и вечно, через нас
течёт невидимая Лета.

Без выбора и без суда
через материю и время
проходит вечная Вода,
взаимодействуя со всеми
частицами, но никогда
не изменяя их дороги;
она повсюду и везде.

В потоке том – в его Воде –
запечатлелись все итоги:
материальный мир веков,
все наши мысли без остатка
и строки всех черновиков,
всех войн безумие и стон,
и все поступки всех времён
не обошлись без отпечатка:
они оставили следы
в потоке истинной Воды.

2

Ландшафт ее просторных вод,
узор бесчисленных извивов
из неожиданных архивов
подробной картою встает,
и память слов, и память генов
рождают дружный круг дольменов,
нацеленных на небосвод.

Да, нас учили по-другому –
что Стиksа чёрная волна
бьёт в борт Харонова челна,
и заперта дорога к дому,
и жизнь прошла и не нужна.

Но если создан мир не так,
чтоб всё беспамятство пожрало
и заволок забвенья мрак –
то мы способны от сигнала
отфильтровать случайный шум,
увидеть роспись прошлых дум
в волнах всемирного Потока,
куда не проникает око,
куда не долетает свет,
где от всего оставлен след.

3

Как за движением луны
спешат покорные приливы,
природы гордые архивы
теперь для нас обнажены.
Их смысл теперь понятен мне,
как камни на открытом дне.

Вращает время ход явлений,
как театральной сцены круг,
устроив смену поколений,
чтобы не все случилось вдруг,
и за пределы каталога
иная, новая дорога
ведет нас в глубь полей – туда,
где с квантом сходится звезда
в размере пушкинского слога.

ОСТРОВ ТАССОС

Сбросив нопу свою, налегке
полежать на эгейском песке,
там, где белого мрамора сколы
драгоценным сияют зерном,
где философы греческой школы
держат хрупкую мысль на весу.

От свинцовых веков немоты
отдышаться в сосновом лесу,

за поэтов ушедших, любимых, — нет ни временных границ, ни отчиться на этом листке парой строчек, едва различимых, на наречии нашем одном.

Нету средства из нашего мрака снова в детство вернуться, однако через мрамор пробились цветы зверобоя, цикория, мака. Исчерпав рудники золотые, остров Тассос отходит ко сну. Дремлет мир, и на числа простые берега разбивают волну.

ОРФЕЙ

1

Есть много странного в науке о нашей жизни: например, звериных жил пустые звуки зовутся музыкой сфер. Веками прожитыми горды, живых зверей тупые морды рисуют люди на гербе. Никто не помнит о себе. От мифов древности могучей остались только Страх и Случай, но сквозь замерзшее стекло мы видим слово и число.

2

Возникновение веков, подземных толщ немые своды, незримый ход материков содержит знание свободы, не афишируя свои непостижимые слои. В них время замкнуто. Оно пространству не подчинено,

наивно и неприхотливо; имея больше степеней свободы, чувствуя сильней ее отливы и приливы, порою время шутит с ней.

3

Дымясь от Пароса до Спарты, мои разрозненные карты рисуют странные черты и огнедышащие горы, ущелий дивные узоры и довоенные хребты Балкан иных, безлюдных, гневных; среди событий повседневных их отраженные лучи дают к событиям ключи следами древнего огня на склоне нынешнего дня.

4

Серебряные валуны времен эпохи ледниковой — беспечности многовековой не потревоженные сны, как монумент с ушедшей славой. Как их спокойство чуждо мне среди реальности кровавой — как песнь во тьме, как сон во сне, как царский меч на топком дне, давно утраченный и ржавый. И ветер, гнилостный и злой, несет, поднявшись, пыли слой.

5

И сохнут белые лагуны, и Солнце, скрытое в пыли от обитателей Земли, садится в огненные дюны.

Сквозь духоту немые струны
не отпечатают следа.
Стою на отмели щебнистой.
Темнеет пыльная завеса,
и еле видная звезда
едва лучом достанет леса
и растворится навсегда,
не отразясь в воде нечистой.

6

Так нашей осени на смену
придет смертельная зима,
воздвигнув ледяную стену,
сжигая действие ума.
Нам с нею не договориться.
Покрыв долины пеленою,
она расправится со мною.
И памяти ночная птица,
и песен солнечная суть
уйдут — но, может быть, весною
отыщутся когда-нибудь,
и наше слово сохранится,
как несгоревшая страница
давно забытого письма.